

В. Г. Белинский

**Краткая история Франции
до Французской революции.
Сочинение Мишле...**

Виссарион Григорьевич Белинский

Краткая история Франции до Французской революции.

Сочинение Мишле...

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2828635*

Аннотация

«...Во Франции, после революции и владычества Наполеона – событий, познакомивших ее с другими народами, вдруг произошла сильная реакция всему старому. Реакция эта с особенною силою выразилась в литературе. Франция разрушила капища кумиров своих, сбросила их статуи с пьедесталов и разбила их. Корнель, Расин, Буало, Мольер, Кребильон, потом Вольтер со всем энциклопедическим причетом – все это было ниспровергнуто, отринуту...»

Содержание

Комментарии

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Краткая история
Франции до
Французской революции.
Сочинение Мишле...**

*КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ ДО
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Сочинение Мишле,
профессора исторических наук. Перевел с
французского Константин Пуговин. 1838. Санкт-
Петербург. В типографии департамента внешней
торговли. 329. (8).*

«Не родись умен, не родись пригож – родись счастлив», – говорит русская пословица; мы вспомнили ее, читая уродливую компиляцию Мишле и видя, что она переведена хорошо. Предосадно читать дурные книги, хорошо переведенные: это все равно, что читать хорошую книгу, дурно переведенную.

Во Франции есть свои явления умственного мира, достойные всякого уважения, представители нации, делающие ей честь. Условие достоинства французских ученых такого рода заключается непременно в их народности, в том, чтобы

они были французами по преимуществу и вполне выражали собою дух своего общества. К таким людям принадлежат: Кювье, Депюитрен, Жоффруа де Сент-Илер, Гизо и некоторые другие; это, по большей части, умы точные, практические, глубокие и основательные в своей сфере, верные своей точке зрения. Кроме того, как все люди с истинным достоинством, они добросовестны, не любят фанфаронад и громких фраз. У французов есть способность рассказывать факты, представлять исторические события в связи и картинно, и, в этом отношении, особенно можно указать на Тьерри, известного своим превосходным творением «La conquete de l'Angleterre par les Normands»^[1]. Да, истина непреложная, что у всякого народа есть своя жизнь, свое значение, своя действительность и своя призрачность, свое великое и свое пошлое. Мы сказали о великом французского народа в учебно-литературном отношении: перейдем к его пошлому.

Во Франции, после революции и владычества Наполеона – событий, познакомивших ее с другими народами, вдруг произошла сильная реакция всему старому. Реакция эта с особенною силою выразилась в литературе. Франция разрушила капища кумиров своих, сбросила их статуи с пьедесталов и разбила их. Корнель, Расин, Буало, Мольер, Кребильон, потом Вольтер со всем энциклопедическим причетом^[2] – все это было ниспровергнуто, отринуту. Вдруг образовались две школы: *идеальная* и *неистовая*^[3]. Представители первой были Шатобриан и Ламартин. Бесспорно, это люди честные,

добрые; но в поэзии требуется нечто другое, кроме хорошего поведения, – требуется дар творчества, который один может сделать человека художником, а его-то у них и недоставало, по крайней мере в соразмерности с их претензиями на художническую генияльность. Но что ж долго думать? – Если не художественность – так фразы, не гений – так претензия на генияльность. Они так и сделали. Это самая опасная и вредная школа, потому что ничто так не портит молодых людей, как приторная чувствительность, надутая возвышенность и вообще фразерское направление. Такая поэзия делает людей призраками, закрывая от их глаз, туманом фразеологии, живую действительность. Шатобриан имеет еще значение как государственный человек, много живший, много видевший, и как писатель собственно, а не поэт; но Ламартин с своими неистощимыми слезами о бедствиях человеческих и чуть ли не полумиллионом годового дохода, с своим поэтическим ореолом из золоченой бумаги и претензиями на политическую значительность, с своими заоблачными мечтаниями и светскою мелочностью, есть не что иное, как длинная водяная элегия, начиненная искусственными вздохами и поддельными слезами, пышная фраза на ходулях, риторическая восклицательная фигура. Но что нужды? – Франция провозгласила его великим поэтом, а огромная нация *добрых людей*, рассеянная по всему белому свету, поверила ей на слово. Вот какова *идеальная* школа романтических поэтов Франции. *Неистовая* не такова. Она происходит по

прямой линии от Байрона. Дело вот в чем: Байрон, как новый атлант, поднял на свои мощные рамена страдания целого человечества, но не пал под эту ужасную тяжесть. Душа его была – бездонная пропасть; его притязания на жизнь были огромны, и жизнь отказала ему в его требованиях. Он оперся на самого себя и, новый Прометей, терзаемый коршуном – ненасытимою жаждою своего беспокойного духа, вопли гордой души своей передал в чудных, художественных образах. Это был поэт гордого самим собою отчаяния. Сын XVIII века, он с презрением оттолкнул от себя его бедные радости, его нищенские наслаждения – и не узнал истинных радостей, истинных наслаждений, того богатства духа, которого ни ржа не точит, ни тать не похищает. В аравийской пустыне железного стоицизма нашел он свое убежище от карающей его и презираемой им судьбы, и не достиг до обещанной земли благодати, где открывается вечная истина, разрешаются в гармонию диссонансы бытия и мерцает таинственным блеском заря бесконечного блаженства. Да, благородному лорду дорогою ценою обошлись его дивные песни: они были им выстраданы. Но наши господа *неистовые* об этом не подумали: им показалось очень *эффектно* бранить и проклинать жизнь... И вот —

Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова^[4].

Выпустили на свет белых медведей, Ганов, Лукреций Бор-

джа и пр.^[5]. Все, что есть отвратительного в человеческой природе, все ее уклонения, все, что есть ужасного в гражданском обществе, все его противоречия – все это они *отвлекли* от природы человека и от гражданского общества, и ряд чудовищно нелепых романов, повестей и драм наводнил весь белый свет. Евгений Сю просто-напросто объявил, что на этом свете быть честным и добрым значит метить прямо на виселицу или на колесо, а быть мерзавцем и извергом есть верное средство наслаждаться всеми благами мира сего. Гюго объявил себя защитником всех гонимых, то есть физических и моральных чудищ: по его теории, все сосланные на галеры с клеймом лилии – люди добродетельные, невинно гонимые обществом. Бальзак проповедует, что быть бедным – все равно, что заживо попасть в ад, и что быть счастливым и блаженным значит – иметь кучу денег и право ставить перед своей фамилией частицу *де*. Дюма возвестил миру, что любить женщину значит быть готовым каждую минуту задушить, зарезать ее; что сильно и глубоко чувствовать значит быть тигром, гиеною. Жорж Занд приглашает людей к естественному состоянию, почитая гражданские установления и особенно брак главной причиной человеческих бедствий. Разврат, кровосмешение, разбой, отцеубийство, детоубийство, братоубийство, предательство, казни, пытки, кровь, гной, резня, тюрьмы и дома разврата – сделались любимыми пружинами для возбуждения эффекта. И что же, вы думаете, что это люди с сильными страстя-

ми, с могучею волею, мученики жизни? – Ничего не бывало! это просто добрые ребята, краснощекие, полные, здоровые, богатые, по моде одетые, роскошно живущие. За вкусным обедом и бутылкою шампанского они охотно забывают свое ожесточение против жизни, а за порядочную сумму денег готовы написать дифирамб в честь ее. Они *так* писали только потому, что это было в моде и товар хорошо с рук шел^[6]. Дайте им денег – они обратятся к религии – и к какой вам угодно: к христианской (даже к католицизму), к магометанской, к жидовской; надбавьте цену – они поклонятся идолам. Это народ сговорчивый, и если вы увидите у кого-нибудь из них на лбу морщины, а на устах злую усмешку, то смело можете сказать:

Какой сердитый вид!

Не бойтесь – он на дождь сердит!^[7]

Четыре главные момента были в истории французского искусства и литературы вообще: век стихов Ронсара и сентиментально-аллегорических романов девицы Скюдери; потом блестящий век Людовика XIV; далее XVIII век; за ним – век идеальности и неистовости. И что же? – Несмотря на внешнее различие этих четырех периодов литературы, они тесно соединены внутренним единством, отличаются общностию основной идеи, которую можно определить так: *надутость и приторность в идеальности и искренность в неверии, как*

выражение конечного рассудка, который составляет сущность французов и которым они торжественно превозносятся, величая его здравым смыслом (*bon sens*). Поэтому самая цветущая эпоха французской литературы была в XVIII веке. Сатанинское владычество Вольтера было действительно, потому что выразило собою момент не только целого народа, но и целого человечества. Это был человек могущий, которого мысль и слово имели несчастное, но в то же время действительное значение. В *неустовой* школе видны те же семена неверия и разрушения, но семена не в духе времени, случайные, призрачные, подгнившие и потому не пускающие ростков. Вольтер был подобен сатане, освобожденному высшего волею от адамантовых цепей, которыми он прикован к огненному жилищу вечного мрака, и воспользовавшемся кратким сроком свободы на пагубу человечества; господа *неустовые* похожи на мелких бесенят, которым много-много если удастся соблазнить православного полакомиться в постный день ложкою молока или заставить набожную старуху проспять заутреню. Вольтер, в своем сатанинском могуществе, под знаменем конечного рассудка, бунтовал против вечного разума, ярясь на свое бессилие постичь рассудком постижимое только разумом, который есть в то же время и любовь, и благодать, и откровение; *неустовые* отверглись Вольтера, презирают безверие и нечестие XVIII века, признают и любовь, и благодать, и откровение и в то же время устремляют все усилия своих ограниченных даро-

ваний и конечных умов, чтобы противоречиями жизни (которых они не в силах примирить по недостатку любви, благодати и откровения) доказать, что мир божий есть мрачная пустыня, где слышны только стоны и скрежет зубов. Не одно ли и то же оба эти явления? – Да, одно и то же; но между ними есть и большая разница: первое было выражением исторического момента, второе – совершенно случайно, произвольно и потому ничтожно. Вольтер и его сподвижники были люди примечательные, даровитые, сильные, в самом своем несчастном ослеплении; а господа *неистовые* – просто люди, взявшиеся за дело не по плечу себе, гении-самозванцы. Первые были Титаны, восставшие против державного Олимпа и пораженные его громами; вторые – шаловливые школьники, затеявшие обобрать чужое вишневое дерево и думающие, что они ниспровергают целый мир. Чтобы образумить первых, нужны были грома, для вторых достаточно хороших розог. Первые выражали свою внутреннюю разорванность, свое распадение и муки от него; вторые прикинулись разочарованными и схватились за богохульство, как за средство для эффектов.

Если *неистовая* школа есть повторение школы XVIII века, то *идеальная* есть повторение двух первых – школы Ронсара, вкупе с девицею Скюдери, и школы Людовика XIV: переменились слова, переменилась мода, сущность осталась та же. Это те же фразы, то надутые, то сентиментальные, вывескою которых может служить знаменитый монолог, начи-

нающийся стихом:

A peine nous sortions des portes de Trezene^{1[8]}.

Да не подумают, что мы унижаем французскую литературу и умышленно не хотим в ней видеть ничего хорошего. Нет, мы видим в ней и ее хорошую сторону. Эти же люди, если бы они захотели быть самими собою, а не лезли бы в мировые гении, были бы порядочными писателями, которых сказочки и водевильчики очень весело было бы читать за завтраком и после обеда, за чашкою кофе. Сверх того, у французов есть и блестящие дарования. Один Беранже, впрочем, не принадлежащий ни к идеальной, ни к неистовой школе, есть такой поэт, которым Франция по справедливости может гордиться. Его сфера очень ограничена, но в самой ее ограниченности есть своя бесконечность, потому что и у французов, лишенных мирового созерцания, есть своя сфера бесконечного. Беранже – *гуляка праздный*;^[9] поцелуй Лизеты, бокал шампанского, победа республиканских войск или армии Наполеона: этим он доволен, больше он ничего не хочет знать. Деист XVIII века по своим религиозным верованиям, республиканец и вместе наполеонист по своим политическим понятиям, язычник по своему взгляду на жизнь, беспечный, легкомысленный, остроумный, веселый, часто бесстыдный до отвратительного цинизма, иногда

¹ Едва мы вышли из Трезенских врат (*франц.*). – Ред.

даже возвышенный и глубоко чувствующий, – он француз в душе и истинный поэт. Поэтому у него нет натянутостей, нет фраз. Я, говорит он, пою безделки:

Mais Dien brille a travers ma gaite...

Il a beni ma puuvreto²[10].

К довершению всего, Беранже есть явление действительное, в полном смысле этого слова, потому что он есть полное выражение народного духа Франции и *истинный* поэт.

В то самое время, когда возникали *идеальная* и *неистовая* школы литературы, во Франции возникала германско-французская ученая школа. Дело было вот каким образом: Кузен, не зная по-немецки, два часа поговорил avec monsieur Hegel³ (Гежель или Эжель) и узнал, что Гегель – великий философ, постиг всю его философию и начал проповедовать во Франции *эклeктизм*. Лерминье – тоже гений первой величины^[11], дни в два ниспроверг авторитет Кузена во Франции и объявил, что французы, как и всякий другой народ, должны иметь *свою* философию, потому что разум – познавательная сила, не один и тот же у всех людей, и бытие – предмет знания – не одно и то же. По его теории, сколько голов, столько и умов, и все эти умы суть разноцветные очки, в которые и мир и истина кажутся разноцветными, абсо-

² Но бог блещет в моем веселье... Он благословил мою бедность (франц.). – Ред.

³ с господином Гегелем (франц.). – Ред.

лютой истины нет, а все истины относительные, хотя они и ни к чему не относятся. Христианская религия абсолютная, и ее божественный основатель на царство духа указал нам, как на цель наших верований, и чрез дух же обещал *ним* постижение этого благодатного и бесконечного царства, но Лерминье не христианин, а сен-симонист. Впрочем, и у нас нашлись *добрые люди*, лет двадцать уже сидящие неподвижно на синтезе и анализе^[12] и от души поверившие французскому болтуну, что истина не одна и что каждый народ должен иметь *свою* философию. К этой *германско-французской* школе принадлежат Мишле, Кине и несколько других фразеров. Конечно, это люди не без дарований, не без ума и не без сведений, но видите ли что: над ними сбылись эти насмешливые стихи нашего великого баснописца:

И сделалась моя Матрена
Ни пава, ни ворона^[13].

Мы уже сказали, что условие достоинства всякого действителя на литературном поприще есть его народность; а эти люди, сделавшись германцами, в то же время не перестали быть французами. Оба эти элемента в них не проникли конкретно один другого, а остались неслившимися отвлеченностями. И потому в них беспрестанно враждуют конечный рассудок с претензиями на мировое созерцание. Результатом этой борьбы необходимо должны были быть *произ-*

вольность во мнениях и надутая фразистость в выражении.

Книга, подавшая нам повод к этому длинному рассуждению о французах, есть сочинение, как значится в ее заглавии, знаменитого Мишле, ученого германско-французской школы. По выходе ее перевода почти все наши журналы пали перед нею ниц: имя великого Мишле для них было ручательством достоинства книги^[14]. В самом деле – француз и еще новой школы —

Как тут сметь

Свое суждение иметь!^[15]

Что же такое этот великий господин Мишле? – Это просто один из людей, очень обыкновенных везде, даже и у нас, и немногим выше тех литературных судей, которые у нас становятся перед ним на колена. Впрочем, его праздник у нас уже проходит: те самые люди, которые прежде с торжеством и коленопреклонением провозгласили его имя, вместе с другими именами того же сорта, теперь уже начинают разочаровываться в его генияльности. Вот что значит подрасти! А то бывало – не смей и слова сказать о новых французах; по крайней мере мы и теперь еще помним, как, лет семь или восемь назад, в одном журнале напали на г. Кронеберга за то, что он осмелился сказать, будто у французов нет философии и что Кузен – плохой философ...^[16]

«Краткая история Франции» Мишле есть очень плохая компиляция, каких у нас много и своих. Не понимаем, зачем было переводить ее. С одними русскими книгами, без всяких иностранных пособий, можно наподряд составить историю Франции и толковитее, и яснее, и существеннее. В книге Мишле ни умозрения, ни философских взглядов, ни фактов – одни фразы и нескладное повествование без всякого содержания. Вначале толкутся цельты, иберы, кимбры, тевтоны, свевы, узипины, танктеры – кричат, шумят – ничего не разберешь. Их покоряют римляне – и все это видишь, как в тумане или в каком-то тяжелом сне: никакой картинности, ни малейшей перспективы, ни искры повествовательного таланта! Это какой-то несвязный бред расстроенной головы. Карл Великий чуть-чуть не пройден молчанием – и поделом ему: он дурно поступал с саксонцами, а Мишле – защитник угнетенного человечества, строгий и грозный судья минувших поколений и исторических лиц. Он казнит и награждает их.

Не угодно ли полюбоваться фразами великого историка?^[17]

Англия первая открыла Франции тайну сил ее; зато тяжки были испытания, которыми она должна была купить эту благодетельную тайну. *Как в руках демона-искусителя, она проходила страшные круги Дантова ада, называемого историей четырнадцатого столетия; но искушение не кончилось еще и в*

пятнадцатом веке. Ей нужно было погрузиться до дна и потом уже всплыть.

Не правда ли – слог такой высокий, что даже ничего понять нельзя?..

Оставшееся при нем (при Генрихе V, короле английском) войско должно было неминуемо погибнуть, *если бы в советах Франции нашелся хоть один умный человек.*

Это уже не высота, а *остроумие*, которое в истории очень хорошо, как соль за столом.

Проезжая теперь по Италии и видя столько следов, оставленных войнами шестнадцатого века, нельзя не чувствовать в душе тоски, нельзя не проклинать варваров, начавших эти опустошения. Кто превратил Мареммы в пустыню? – полководец Карла Пятого; кем сожжены эти великолепные дворцы, которых печальные развалины поражают взор путника? – ландскнехтами Франциска I.

Точь-в-точь, как отрывок из какого-нибудь сентиментального путешествия. Но в исторической учебной книге и это хорошо – для разнообразия; а то ученик может соскучиться, находя в ней одно дело да дело.

Католическими войсками предводительствовали тогда величайшие из полководцев, знаменитый тактик Тилли и Валленштейн – *настоящий демон войны.*

Вот что хорошо сказано – «*настоящий демон войны!*» Это

по-нашему, по-русски: ведь демон все равно, что черт; а у нас простой народ, желая похвалить кого-нибудь за удалство, обыкновенно говорит: «Он черт на все!» Думали ли наши мужики, что великий историк Франции, в учебной своей книге, выражается их языком!

В то время они (парламенты) очень низко преклоняли свои головы, но когда подняли их и удостоверились, что они еще у них на плечах, когда увидели, что властитель (Ришелье) действительно умер, тогда почувствовали себя храбрыми и заговорили громко – *точно вырвавшиеся на свободу школьники, в промежуток между начальством двух учителей* – Ришелье и Людовика XIV.

Прочтя эту *саркастическую* выходку г. Мишле против парламентов, мы, подобно миргородскому судье, восхитившемуся просьбою Ивана Ивановича Перерепенко, воскликнули: «Что за бойкое перо! Господи боже, как пишет этот человек!»^[18]

С другой стороны являлась Голландия, небольшая страна, населенная народом грубым, корыстолюбивым, *молчаливым (?)*, *произведшим столько дел без всякого величия*. Начальный подвиг его состоял в том, что, несмотря на океан, он поддерживал свое существование, – это было первое чудо; потом он стал солить сельди и сыр; потом променял *смердные* свои бочки на бочки золота; наконец, учредив банк, сделал это золото плодовитым: *червонцы высиживали деток*.

В половине семнадцатого века голландцы радостно прибирали к рукам отделявшиеся от Испании участки; отняли у нее море, а вдобавок и Индию.

За что г. Мишле так сердится на бедных голландцев? – Уж не за то ли, что они слишком жестоко проучили его *великого* короля, Людовика XIV? – Но за это может сердиться на них француз, а не историк, которого первое достоинство должно состоять в объективном созерцании событий. Он сердится на них за то, что они *много великих дел совершили без всякого величия*. Важное обвинение – в нем высказался француз! Величие в великих делах у французов состоит в помпе, риторической шумихе и вычурной парадности – характерическая черта их народности, из которой прямо вытекли трагедии Корнеля и Расина! *Рисоваться* – это страсть французов, великих и малых. Говорят, когда англичанину наскучит жить, то он ест в последний раз пудинг и, заложив двери своего кабинета на крючок, застреливается. Француз делает это совсем иначе: он заранее объявляет в журнале, что ему жизнь в тягость, потому что она не дала ему, чего он стоит, то есть ста тысяч ливров годового дохода, славы первоклассного писателя и министерского портфеля (во Франции нет ни одного человека, который бы не считал себя стоящим всего этого), что люди ему ненавистны, потому что не умели оценить его великих дарований; потом нанимает музыкантов и, проговоривши народу, на площади, с помоста или просто с подмосток свою последнюю речь – образец велеречия, с ве-

личием древнего римлянина закаляется, при плесках восторженной толпы. Так умирают во Франции юноши, разочарованные жизнью, и кухарки, покинутые своими любовниками. Г-ну Мишле не нравится и то, что голландцы *молчаливы*: опять виден француз, говорун и болтун по природе своей. Зачем г. Мишле сердится на *смердные* бочки голландцев? – конечно, запах сельдей не похож на запах роз; но в торговле аромат – последнее дело.

Говоря о веке Людовика XIV, он пересчитывает его славных писателей, между которыми включает и г-жу Севинье. Убил бобра!

В то же время система Декарта была доведена до крайнего развития; Малебранш снова относил разумение человеческое к богу (?), и вслед за тем, в протестантской Голландии, враждовавшей с католическою Франциею, *раскрылась бездонная пропасть, готовившаяся поглотить католицизм и протестантизм, свободу и нравственность, идею бога и мир: эта бездна – система Спинозы.*

Великий боже, что за галиматья! Пойми, кто может – хвалит или порицает великий фразер великого философа! Что значит слово «поглотить»? Не ошибся ли г. переводчик: не стоит ли в подлиннике «обнять»? Но и в таком случае галиматья по-прежнему останется галиматьею. Спиноза – этот глубокий и великий философ, который первый мировое созерцание объявил содержанием философии, бога поставил

предметом абсолютного знания, – этот Спиноза проглотил свободу и нравственность, и пр., и пр. Да как г. Мишле не подавился таким глотком, который он так великодушно приписывает Спинозе!

В соседственных с Францией странах преобладал скептицизм: за отрицательным учением Юма следовал мнимый догматизм Канта (?); превыше всего раздавался *поэтический* голос Гете, *гармонический*, но *безнравственный* и *равнодушный*.

Час от часу не легче! *Поэтический* и, в то же время, *безнравственный*! Вот как понимают искусство французы, этот народ, лишенный от природы лучшего дара божиего – чувства изящного! Да что говорить о французах, когда у нас, на Руси, недавно была переведена ничтожная книжонка Менцеля, устремленная против Гете. Но – слава богу! – наша публика не приняла этой памфлеты крикуна, который ненавидит Гете за то, что он был другом царей и дорожил знаками их уважения к себе^[19].

И вся-то книга Мишле состоит из таких фраз. Прочтя ее, чувствуешь, что совершил подвиг великий, кончил дело трудное: читая пятую страницу, забываешь, что прочел в первой, зачем эта компиляция нужна в русской литературе? Не лучше ли было бы перевести очень похвальный и дельный труд этого же самого Мишле – «Memoires de Luther, écrits par lui-meme»^[20]. Так как в этой книге говорит сам Лютер, то она очень интересна, фантазии и умствования издателя

МОЖНО ВЫКИНУТЬ: ОТ ЭТОГО КНИГА БУДЕТ И КОРОЧЕ И ЛУЧШЕ.

Комментарии

1.

Книга историка эпохи Реставрации Огюстена Тьерри «Histoire de la conquete de l'Angleterre par les Normands...» – «История завоевания Англии норманнами...» – высоко ценилась Белинским за историческую точность, мастерство изложения; по живости рассказа критик ставил сочинение Тьерри в один ряд с романами Вальтера Скотта (см. статью об «Истории Малороссии» Николая Маркевича, 1843, наст. изд., т. 5). Четвертое издание книги О. Тьерри (Брюссель, 1835) имелось в личной библиотеке Белинского (см.: ЛН, 55, с. 568).

2.

У Пушкина в стихотворении «К вельможе»:

3.

Белинский имеет в виду две школы французского романтизма.

4.

Из басни Крылова «Музыканты».

5.

Имеются в виду роман «Ган Исландец» и драма «Лукреция Борджиа» Гюго.

6.

Это обвинение, да и то частично, может быть отнесено только к Эжену Сю (см. рассуждение Белинского на эту тему в рецензии на роман Сю «Парижские тайны» – наст. изд., т. 7).

7.

Неточно цитируется стихотворение И. И. Дмитриева «Надпись к портрету».

8.

Монолог Терамена в «Федре» Расина (акт V, сцена VI).

9.

Слова Сальери о Моцарте в «Моцарте и Сальери» Пушкина (сцена I).

10.

Из стихотворения «Кардинал и песенник» (1829). Белинский не обратил здесь внимания на острополемический, антицерковный характер стихотворения Беранже. В 1840-е гг. он будет подчеркивать и высоко ценить политическую, антирелигиозную направленность поэзии Беранже. «Это пророк свободы гражданской и свободы мысли. Его матерные стихотворения

на религиозные темы – прелесть», – писал Белинский Боткину 28 июня 1841 г.

11.

Высказывания Белинского о Кузене и Лерминье во многом совпадают с суждениями А. И. Тургенева (см. наст. т., с. 292–293, 352–353). Об эклектизме Кузена Белинский писал и раньше – наст. т., с. 96.

12.

О намерении Белинского «спихнуть» Полевого «с синтеза и анализа» см. прим. 9 к рецензии на XI–XII тома «Современника».

13.

Цитируется басня Крылова «Ворона».

14.

Восторженные отзывы о Мишле и его книге были опубликованы в «Современнике», 1838, т. X, отд. IV, с. 71 первой нумерации; в «Библиотеке для чтения», 1838, т. 27, № 3, отд. VI, с. 19 и № 4, отд. VI, с. 34, т. 31, № 12, отд. V, с. 53–60, в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду», 1838, № 19, 7 мая, с. 369.

15.

Неточно приведены слова Молчалина из «Горя от ума» Грибоедова (д. III, явл. 4).

16.

Белинский вспоминает рецензию на «Брошюрки, изд. И. Кронебергом. № VIII», Харьков, 1832, опубликованную в «Московском телеграфе», 1832, № 16, с. 556–562.

17.

Далее цитируются (с незначительными неточностями) следующие страницы книги Мишле: 162, 169–170, 189, 265, 272, 281, 289, 326. Курсивы Белинского.

18.

Цитата из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя (гл. IV).

19.

См. в наст. т. прим. 16 к статье «Менцель, критик Гете».

20.

Белинский имеет в виду книгу «Memoires de Luther, ecrits par lui-meme, traduits et mis en ordre par J. Michelet...» («Мемуары Лютера, написанные им самим, переведенные и обработанные Ж. Мишле...»); вышла двумя изданиями: в Париже (1835) и Брюсселе (1837). Книга

представляет собой биографию Лютера, составленную из ряда его произведений и высказываний, соединенных текстом Мишле.